

THE BODY IN ISLAMIC DISCOURSE IN RUSSIA DURING THE PANDEMIC: BETWEEN RELIGIOUS, MEDICAL, AND POLITICAL DISCOURSES

Sofya A. Ragozina (a)

(a) Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: sofyaragozina[at]gmail.com

Abstract

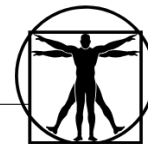
This work is devoted to the problem of constructing corporality in Islamic discourse in Russia under the conditions of pandemic emergency. Analyzing the fatwas and official statements of Russian Muslim leaders in the period from March to May 2020, we defined their discursive strategy of 'translation' the language of bureaucracy and medical terminology into the language of Islam, as well as theological justification of government decisions. We examined several cases that illustrate the interference of political and medical discourse on corporality in religious discourse. These include the politicization of the normative functioning of the body (for example, the re-articulation of the category of Islamic purity 'taharat' and comparison of hijab with medical mask), the sacralization of quarantine as a special time for spiritual activity, the formatting of the funeral ritual in accordance with medical and administrative regulations and comparing victory in the great patriotic war with the victory over the COVID-19. The regulation of corporality has always taken place in Islamic tradition, but in the context of the pandemic, it has acquired a special formative force that can not only articulate the discourse of Islamic biopolitics as such, but also change the religious practices themselves.

Keywords

biopolitics; COVID-19; discourse analysis; Islam in Russia; sociology of Islam

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ТЕЛЕСНОСТЬ В ИСЛАМСКОМ ДИСКУРСЕ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ: МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ, МЕДИЦИНСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ДИСКУРСАМИ¹

Рагозина Софья Андреевна (а)

(а) Институт востоковедения РАН. Москва, Россия. Email: sofyaragozina[at]gmail.com

Аннотация

Данная работа посвящена проблеме конструирования телесности в исламском дискурсе в России в условиях чрезвычайного положения пандемии. Анализируя фетвы и официальные заявления российских мусульманских лидеров за период с марта по май 2020 года, мы определили их дискурсивную стратегию «перевода» языка бюрократии и медицинской терминологии на язык ислама, а также теологического обоснования тех или иных правительственных решений. Мы рассмотрели несколько случаев, иллюстрирующих вмешательство политического и медицинского дискурса о телесности в религиозный дискурс. К ним относятся политизация нормативного функционирования организма (связанная, например, с ре-артикуляцией категории исламской чистоты «тахарат» и сравнение хиджаба с медицинской маской), сакрализация карантина как особого времени для духовной деятельности, форматирование похоронного ритуала в соответствии с медико-административными регламентами и сравнение победы в Великой Отечественной войне с победой над КОВИД-19. Регулирование телесности всегда имело место быть в исламской традиции, однако в условиях пандемии оно приобрело особую формирующую силу, способную не только артикулировать дискурс исламской биополитики как таковой, но и изменить сами религиозные практики.

Ключевые слова

биополитика; КОВИД-19; дискурс-анализ; ислам в России; социология ислама

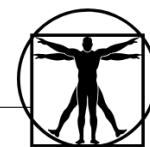
Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Это расширенная версия статьи, опубликованной на английском языке: Ragozina, S. (2020). Islamic Biopolitics during Pandemics in Russia. *Anthropology in Action*, 27(3), 82–86. Doi:10.3167/aia.2020.270317

Стремительное распространение ковид-19 затронуло многие сферы жизни, в том числе и религиозную. Коллективные молитвы, «контактные» ритуалы – все, что еще несколько месяцев назад казалось неизменным, пришлось наскоро адаптировать к новым условиям жизни в глобальном карантине. На первый план вышла категория телесности, а точнее необходимость ее поспешной реинтерпретации: тело оказалось не только в сфере религиозной нормативности, но стало прежде всего предметом медицинского и государственного контроля. Религиозный дискурс был вынужден адаптироваться, объясняя пандемию. В данном докладе мы рассмотрим «перевод» медицинского и политического дискурсов на язык ислама в России в период распространения ковид-19. Мы анализируем речи, фетвы и официальные заявления представителей Духовного управления мусульман России, опубликованные в период с марта по май 2020 года. В принципе ислам придает большое значение телу, определяя различные практики контроля над ним. В данной статье в центре нашего внимания несколько ключевых сюжетов, хорошо иллюстрирующих, на наш взгляд, интертекстуальность религиозного, медицинского и политического дискурсов. Во-первых, это ре-артикуляция категории исламской чистоты (тахарат) не только в качестве духовной категории, но и как надежного средства противодействия распространения эпидемии. Во-вторых, это радикальные изменения похоронного ритуала (разрешение на вскрытие тела, захоронения в гробу, разрешение не совершать омовение и т.д.), а также признание умерших от коронавируса шахидами. Обращает на себя внимание структура этой фетвы, где постановления правительства и административные регламенты перемежаются цитатами из хадисов и комментариями к ним. Наконец, это своего рода коллективизация телесности. Нормативное функционирование тела теперь не только часть индивидуального религиозного опыта – успешность противодействия распространения заболевания на уровне всего политического сообщества зависит от этого. И категории единства и патриотизма, так востребованные в дискурсе лидеров мусульманского сообщества в качестве инструмента демонстрации лояльности официальным властям, в данной ситуации медиализируются, оказываясь частью дискурса о противодействии коронавирусу.

Стоит начать с определения термина биополитика, не часто употребляющегося вместе с прилагательным исламская. В данной работе мы обращаемся к концепции дисциплинарной власти М. Фуко, одной из проявлений которой является биовласть. В свою оче-

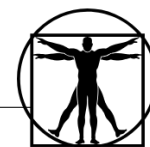

редь биополитика – это производное биовласти: биополитику можно понимать как политическую рациональность, в соответствии с которой управление жизнью и населением является ее субъектом: обеспечивать, поддерживать и умножать жизнь, приводить эту жизнь в порядок. Сейчас термин биополитика зачастую употребляется в избобличительном ключе, чтобы показать насколько «зла» современная форма власти. Однако вводя этот термин в середине 70-х М. Фуко, по мнению Д. Лоренцини, прежде всего фиксировал изменившуюся реальность. Наше общество перешагнуло определенный рубеж, когда биологические процессы, характеризующие жизнь человека как вида, стали важнейшей проблемой для принятия политических решений, новой «проблемой», которую должны решать правительства, и это не только в «исключительных» обстоятельствах (например, эпидемии), но также и в «нормальных» условиях (Lorenzini, 2020). Д. Лоренцини понимает, почему концепт биополитики стал особенно востребован в период эпидемии – он позволяет вскрыть несправедливости имплементации дисциплинарной власти в области здравоохранения. Однако наиболее продуктивное использование термина биополитика как раз связано с тем, чтобы отказаться от ценностных коннотаций и видеть в биополитике не решение всех проблем, а скорее инструмент для поиска ответов. Здесь мы используем данный термин деидеологизированно, понимая под ним прежде всего политическое регулирование телесности. Что же касается исламской биополитики, то этот термин по большей части ситуативен и поэтому дискуссионен. Он сам по себе указывает на сращивание религиозного, политического и медицинского дискурсов. Исламская традиция (на самом деле, как и любая другая религиозная традиция) в принципе придает большое значение телу, определяя различные практики контроля над ним. Например, регулируется движение тела во время молитвы, ношение женщиной платка, соблюдение поста во время священного месяца Рамадан для очищения тела и духа и так далее. Дискурс исламской биополитики вышел на первый план именно во время пандемии, когда тело стало предметом специального регулирования в свете чрезвычайных обстоятельств. Специфика этого контроля заключается в особой форматирующей силе, которую приобрел медицинский дискурс в своем воздействии на религиозный: было не только артикулировано предметное поле исламской биополитики как таковой, но и сами религиозные практики вынуждены были адаптироваться под новые условия. Появилась потребность срочно «перевести» требования органов здравоохранения на «язык

ислама», представить им богословское обоснование. Это очень хорошо соотносится с концепцией «секулярного перевода» Т. Асада, когда он придает особое значение трансферу религиозных идей в нерелигиозные (Asad, 2018). Таким образом, официальные мусульманские лидеры стали для мусульманских общин проводниками разработанных правительством ограничительных мер, представляя богословское обоснование введению карантина, закрытию мечетей и т.д. Во многом такая функция коммуникатора между властью и мусульманской общиной объясняется политическим позиционированием официальных мусульманских институтов в более широком контексте.

Основной единицей институциональной структуры мусульманской общины является духовное управление мусульман (ДУМ). Данные организации выполняют административные функции, осуществляют руководство мусульманскими образовательными учреждениями, ведут благотворительную и просветительскую работу. На данный момент почти в каждом регионе России действует мусульманская организация. Организованы и межрегиональные объединения ДУМ. Одной из наиболее влиятельных таких организаций, претендующей на статус выразителя интересов всех российских мусульман, является ДУМ РФ, возглавляемая Равилем Гайнутдином, который последнее время все чаще именуется как «духовный лидер российских мусульман». Политическая повестка этой организации сосредоточена на демонстрации лояльности властям, продвижении концепции так называемого «традиционного ислама», который призван противостоять «радикальному исламу». Насколько официальные структуры пользуются авторитетом у простых мусульман, особенно на фоне распространения различных феноменов цифрового ислама, вопрос дискуссионный. Например, распространена точка зрения о том, что так называемые «новые улемы», зачастую без специального религиозного образования и действующие в соцсетях, устанавливают более тесные связи с сообществом, чем официальное духовенство. Они более тонко улавливают запросы своей аудитории, реагируют на них, разговаривают с ней «на одном языке». В то время как религиозные деятели, ассоциированные с ДУМами, часто пользуются социальными сетями формально, однако именно они имеют возможность «живой коммуникации» в мечетях (чего лишены «новые улемы»). Здесь мы говорим исключительно об «официальном мусульманском» дискурсе, который сосредоточен вокруг нескольких конструктов. Во-первых, почти все мусульманские лидеры обращаются к идее о

единстве мусульманской общины. Самой востребованной оказывается идея Р. Гайнутдина о единстве мусульман и российской цивилизации на основе евразийской общности. Во-вторых, духовность и традиционность предстают в виде особо значимых политических ценностей. Например, главная мечеть сможет «приносить огромную пользу в деле укрепления духовного и государственного суверенитета нашей державы» («Муфтий Гайнутдин: Открытие Московской Соборной Мечети - Событие Государственного Масштаба Для РФ», 2015). Наконец, в-третьих, часто в своей риторике мусульманские лидеры обращаются к патриотизму, когда речь идет об «идее, связывающей и объединяющей всех граждан». Мы специально подробно остановились на специфике официального мусульманского дискурса, так как именно эти его ключевые категории – духовность, единство и патриотизм – реинтерпретируются, становясь частью риторики пандемии.

Распространение коронавируса вернуло телесность в риторику улемов. Считается, что тело принадлежит Аллаху, а физическое здоровье – это дар Аллаха, который должен поддерживать человек, живущий в теле. Следуя этой логике допустимы и любые средства для поддержания здоровья в этом теле. Это подтверждается и рядом хадисов, например: «Какую бы болезнь ни ниспослал Аллах, Он обязательно ниспосылает и средство её исцеления (Аль-Бухари 5678)». Распространение коронавируса породило новое прочтение исламской биополитики. Во-первых, это коснулось категории чистоты. Тахарат в исламе подразумевает не только ритуальную и физическую чистоту, но и является элементом юридического дискурса: обязательство каждого мусульманина состоит в соблюдении чистоты и тела, и души. В условиях эпидемии, категория чистота перестала быть лишь религиозной категорией, став органичной частью медицинского дискурса, который в свою очередь в эти дни стал органичной частью повседневности не только для мусульман. Например, авторы ряда материалов в западных изданиях подчеркивали «преимущества» мусульманских стран в противодействии распространению эпидемии, связанные, например, с высоким уровнем гигиены из-за пятикратного омовения (Aslan, 2020). В свою очередь на бытовом уровне это вновь дало возможность пользователям соцсетей заявить о превосходстве исламской культуры над всеми остальными. В арабоязычном твиттере в течение пары недель репостили следующий твит с хэштегом #тахарат:

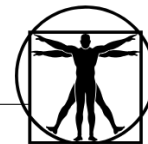
Где те, кто говорил, что вы все еще читали Книгу [имеется ввиду Коран], пока неверные полетели на Луну #тахарат? Теперь: все обратились к Книге #тахарат (“Твит Пользователя @F_mtr,” 2020).

Вслед за тахаратом в медицинский дискурс перетек и хиджаб – только реакции были куда более эмоциональны. «Они запретили хиджаб - в итоге весь город ходит в масках». Хиджаб и раньше был красной линией в вопросе разграничения секулярной и религиозной идентичностей. Отождествление масок и платков в исламском дискурсе призвано показать «искусственность» критериев проведения красных линий, позволяя при этом значительно расширить сферу религиозного за счет светского.

Кажется, что коронавирус сделал тело исключительно объектом медицинского дискурса, «подстроив» под себя даже религиозную риторику. Однако тело никогда не переставало быть и объектом биополитики со стороны государства. Так, отдельные исламские акторы «перевели» не только медицинскую терминологию в исламский дискурс, но и риторику официальных властей, придав их действиям практически религиозную легитимность. Здесь очень показательна реинтерпретация категории тела в одном из постов в Фейсбуке Д. Мухетдинова, одного из заместителей Р. Гайнутдина, обладающего большим авторитетом среди российских мусульман. Он утверждает, что «забота о теле – это фундаментальный призыв ислама, а тело – это духовный вопрос». Одновременно с этим он вписывает телесность в дискурс освобождения и дисциплинарной власти буквально в терминологии М. Фуко, однако без ссылок на французского философа.

Тело не является чем-то дурным по своей сути – дурным оно может стать вследствие недостойного обращения с ним. Именно поэтому ислам говорит об очищении, а не об отвержении тела. Об очищении от стихийных эгоистических устремлений. Подлинная аскетика, понимаемая как искусство преобразования страстей, приводит человека к дисциплинированному «связыванию» тела и души. Такое «связывание» развязывает путы, которые тело и душа наложили друг на друга. Оно даёт возможность целостному, нерасколотому человеку служить Истоку его жизни. Тем самым оно хранит свободу человека...

Необходимы эффективные меры, учитывающие требования настоящего момента. В этот мрачный и тревожный период тела любого уровня (индивиды, социальные группы, государство, общество в целом) должны быть полны решимости к дисциплине. К той дисциплине, которая защитит нашу жизнь и нашу свободу. К той сво-

бодной дисциплине, которой человек изначально не был лишён...
(Мухетдинов, 2020a)

Расширяя телесность до уровня государства, он таким образом обеспечивает взаимопроникновение властных и религиозных дискурсов. Нормативное функционирование «тела» теперь не только часть индивидуального религиозного опыта – она вменяется в обязанность любого сообщества. Свобода здесь иллюзорна: индивидуальное как будто нивелируется, выводя на первый план тотальную «свободную» дисциплину. Фактически, посредством такой расширительной трактовки тела обосновывается чрезвычайное положение, почти в духе К. Шмитта.

С самого начала ДУМ РФ признало приоритет государства в установлении правил в условиях коронавируса и заняло абсолютно компромиссную позицию: еще в марте в своих выступлениях некоторые лидеры подчеркивали, что мечети были закрыты раньше православных храмов и без особых трений. На волне обсуждений в соцсетях, в которых ставились под вопрос столь жесткие ограничительные карантинные меры, были даны богословские обоснования четкого следования указаниям властных структур. Интересно, что один из лидеров – Мунир-хазрат Беюсов, глава ДУМ Нижегородской области – апеллировал к юридическим категориям, напоминая о том, что «мечети являются юридическими организациями. Председатели, т.е. имамы, - юрлица. Если организация или юрлицо будут нарушать карантин + ещё окажется, что из-за действий должностных лиц заразились люди, то их ждут огромные штрафы, вплоть до уголовной ответственности» (Беюсов, 2020). Таким образом, еще в марте ДУМ РФ четко обозначили свою позицию «переводчика» требований медицинских и государственных структур на «язык ислама».

Так, 31 марта, на следующий день после официального объявления карантина вышло обращение Дамира Мухетдинова о самоизоляции, которая интерпретируется как время для духовного поиска. С одной стороны, вновь речь идет об очищении – «моральном, интеллектуальном и физическом». Однако физическая телесность здесь все же отходит на второй план – на первом месте духовная мобилизация. Здоровье духовное оказывается неотъемлемым условием соблюдения требований самоизоляции. С другой стороны, актуализируется и особая темпоральность карантина. Это время оказывается будто вырвано из обычного течения времени: время, когда обычные дела получают совершенно особый религи-

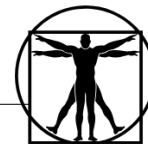

озный статус. «Наш джихад сейчас – это стойкость и последовательность в борьбе со смертоносным вирусом. Наш зикр – это частые звонки престарелым родителям» (Мухетдинов, 2020b). Известный немецкий исламовед Г. Бёверинг описывает вертикальную и горизонтальную концепцию времени в исламе, причем и та, и другая основаны на идее атомизма (Böwering, 1997). Вертикальное измерение индивидуального характеризуется серией вспышек существования с мгновенными прорывами к вечности. В то время как горизонтальное измерение описывает все сообщество верующих как мириады атомов, и все они посредством индивидуальных стратегий формируют общую темпоральную основу. Мусульманские лидеры предлагают рассматривать карантин именно как подобную вспышку, не как препятствие, но как возможность найти путь к Аллаху. Таким образом, происходит своего рода сакрализация карантина.

Это такая пауза, которая вырывает каждого из нас из привычной системы координат мирской суеты и помещает в систему координат вечных ценностей. Находясь в этом метапространстве, в котором привычный образ жизни, деньги, слава, власть, перестают чего-то стоить, мы в собственной квартире имеем возможность переосмыслить само свое существование, по примеру нашего Пророка, ушедшего в пещеру Хира и там в уединении искавшего ответы на вечные вопросы мироздания (Мухетдинов, 2020b).

Наложение священного месяца Рамадан на период карантина только усилило сакральность этого времени¹. Еще 3 апреля (за 20 дней до начала месяца Рамадан) появилось разъяснение о Рамадане в режиме нерабочих дней, где основной акцент был сделан на обосновании невозможности проведения коллективных молитв таравих намаз, а также на разъяснениях относительно смягчения режима соблюдения поста (Мухетдинов, 2020с). Во-первых, говорилось о том, что «онлайн следование за имамом засчитывается как участие в коллективной молитве», во-вторых, что возможны существенные ослабления соблюдения поста, так как эта практика «сопряжена со снижением иммунитета», что недопустимо в период распространения: «ибо неблагоразумное подвержение себя риску смертельно опасного заболевания подпадает под аят: «Не бросайтесь своими руками к гибели» (2:195). Стоит отметить, что первый онлайн-намаз состоялся еще 20 марта, так что здесь легитимация онлайн-таравиха – это напоминание об уже установленных границах са-

1 Напомним, что Рамадан в этом году пришелся на период с 23 апреля по 23 мая.

крального. Умма в период карантина – настоящее воображаемое сообщество в терминах Б. Андерсона, существование которого поддерживается не формой, но содержанием. Экзистенциальные вопросы выживания выводят на первый план физическое тело, когда речь идет о послаблениях во время Рамадана. Но выживание отдельного индивида приобретает смысл только, когда он продолжает осознавать себя частью уммы. На фоне хрупкости виртуального мира, невидимости вируса, еще более значимо звучат слова о единстве мусульманской общины. Происходит своего рода коллективизация телесности: индивид несет ответственность за сохранение физического здоровья, в то время как духовное здоровье возможно только в умме.

Другим примером религиозного перевода требований властей в условиях пандемии стали радикальные изменения похоронного ритуала, закрепленные в документе с бюрократическим заголовком «Порядок захоронения умерших от COVID-19». Многие нормы, зафиксированные в шариате как фард кифая (т.е. обязательные) – например, совершение омовения тела покойного, захоронение без гроба, запрет на вскрытие тела – теперь просто были аннулированы или видоизменены на диаметрально противоположные. Отдельно со ссылкой на достоверные хадисы проговаривалось, что умершие от коронавируса признаются шахидами. Обращает на себя внимание структура этой фетвы, где постановления правительства и медицинские административные регламенты перемежаются цитатами из хадисов и комментариями к ним; кроме того, каждое решение «синхронизируется» с другими центрами, издающими фетвы, т.е. говорится, что то или иное решение соответствует фетве, уже вынесенной, например, Управлением по делам религии Турции или Домом фетв Египта («Богословское Заключение № 2/20. «Порядок Захоронения Умерших От COVID-19».” 2020).

Наконец, квинтэссенцией интертекстуальности политического, медицинского и исламского дискурса стало обращение мусульманских лидеров к теме 75-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, празднование которой занимает особое место в современной исторической политике российского государства. Как связаны коронавирус, ислам и День победы? Обращение к теме Дня победы является одним из ярких маркеров демонстрации включенности в политический мейнстрим, а также уже упомянутой лояльности нынешнему политическому режиму. Однако в этом году в начале мая коронавирус потеснил это вопрос на повестке дня. В итоге официальные мусульманские лидеры вынуждены были при-

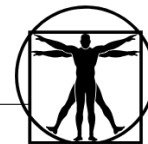
бегнуть к достаточно оригинальным лингвистическим приемам для органичного совмещения этих тем. Так, например, ожидаемо проводятся параллели между победой в Великой Отечественной войне и победой над коронавирусом – причем объединено это метафорой чумы.

С начала года мы много говорили о том, что та великая Победа была, прежде всего, победой духа. Сегодня у нашего порога новая чума – инфекционная. Нам жизненно необходима правильная стратегия и тактика, должные средства сопротивления, в чем мы полагаемся на указания ученых, специалистов и решения избранных властей. Но первичное, базисное – это должное состояние духа, наша внутренняя готовность идти до конца, до победы (Мухетдинов, 2020b).

... полноценным знаком нашей признательности будет категоричное недопущение повторного распространения той коричневой чумы национального и расового превосходства, которую в той войне победили наши предки (Зарипов, 2020).

Проводятся и более частные сравнения. Так, врачи сравниваются с героями войны, несущими службу, «чтобы приблизить победу над пандемией». Выплата специальной милостыни разговения (садакат ал-фитр), которая собирается в конце Рамадана, сравнивается с пожертвованиями простых людей во время войны, когда «несмотря на свою собственную крайнюю нужду не пожалели ради помощи фронту собрать деньги на строительство целой танковой колонны» (Зарипов, 2020). Р. Гайнутдин делает акцент на том, что особая помощь во время самоизоляции оказывалась именно ветеранам войны (Гайнутдин, 2020).

Таким образом, стремительное распространение эпидемии сформировало предметное поле исламской биополитики. В исламскую публичную риторику вернулось тело как объект политического регулирования. Перед мусульманскими лидерами встала двойная задача: с одной стороны, они были вынуждены адаптировать исламскую практику под условия карантина, с другой – продолжать демонстрировать лояльность нынешнему политическому режиму. Уникальность российского кейса с этой точки зрения заключается в том, что официальным представителям мусульманского сообщества удалось эффективно совместить реализацию этих задач, взяв на себя функции «переводчиков» с бюрократического языка требований различных регламентов и медицинской терминологии на язык ислама, предоставляя богословское обоснование тем или иным решениям. И одной из главных категорий

этих интерпретаций стало именно тело. Чистота ритуальная теперь пересекается с медицинской гигиеной и формальными требованиями государственных структур, обеспечивающих реализацию мер по противодействию коронавирусу, о более частом мытье рук. Нормативное функционирование «тела» теперь не только часть индивидуального религиозного опыта – она вменяется в обязанность любого сообщества. Карантин вместе с наложившимся Рамаданом приобретает особый сакральный статус, так как описывается как время особого духовного поиска в рамках опять же требований властей по соблюдению режима самоизоляции. Фетва, описывающая порядок захоронения умерших от КОВИД-19, даже по своей структуре больше похожа на бюрократический регламент, нежели на классический исламский нормативный документ. Именно интертекстуальность религиозного, медицинского и политического дискурсов обеспечила эффективность реализации стратегии, выбранной мусульманскими лидерами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60010 «Быть мусульманином в России: политизация идентичности и модели гражданственности российских мусульман (на примере мусульманских гражданских активистов)»

Research funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-60010 “Being a Muslim in Russia: Politicization of Identity and Citizenship Models of Russian Muslims (case-study of Muslim Civil Activists)”

Список литературы

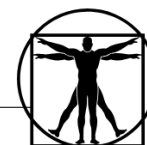
- Asad, T. (2018). *Secular Translations. Nation-State, Modern Self, and Calculative Reason*. New York: Columbia University Press.
- Aslan, R. S. (2020, March 16). What Islamic hygienic practices can teach when coronavirus is spreading. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/what-islamic-hygienic-practices-can-teach-when-coronavirus-is-spreading-133221>
- Böwering, G. (1997). The Concept of Time in Islam. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 141(1), 55-66
- Lorenzini, D. (2020, April 2). Biopolitics in the Time of Coronavirus. *Critical Inquiry*. Retrieved from https://critinq.wordpress.com/2020/04/02/biopolitics-in-the-time-of-coronavirus/#_ftn3

- Беюсов, М.-Х. (2020). Обращение к мусульманам в связи с распространением опасного коронавируса. *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/sermon/16906>
- Богословское заключение № 2/20. «Порядок захоронения умерших от COVID-19». (2020). *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/sulem/sufatwa/16939>
- Гайнутдин, Р. (2020). Выступление на конференции «Мусульманский мир перед вызовами пандемии: Единение в условиях социального дистанцирования». *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/17135>
- Зарипов, И. (2020). Уроки Великой войны в эпоху пандемии и рамадана. *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/sermon/17074>
- Муфтий Гайнутдин: Открытие Московской Соборной мечети—Событие государственного масштаба для РФ. (2015). *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/common/speech/9735>
- Мухетдинов, Д. (31 марта 2020b). В условиях пандемии главное мерило богобоязненности – это человечность. *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/common/opinions/16904>
- Мухетдинов, Д. (16 марта 2020a). ВОЗ объявила о пандемии коронавируса 11 марта 2020 года. *Facebook*. Retrieved from https://web.facebook.com/search/top/?q=%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D1%82%D0%BE%20%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D1%83%D1%82%D0%B8%20&epa=SEARCH_BOX
- Мухетдинов, Д. (3 апреля 2020с). Разъяснение Д.Мухетдинова о Рамадане в режиме нерабочих дней. *ДУМ РФ*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/rites/16915>
- Твит пользователя @F_mtr. (2020). *Twitter*. Retrieved from https://twitter.com/F_mtr/status/1244951838241284097?s=20

References

- Asad, T. (2018). *Secular Translations. Nation-State, Modern Self, and Calculative Reason*. New York: Columbia University Press.
- Aslan, R. S. (2020, March 16). What Islamic hygienic practices can teach when coronavirus is spreading. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/what-islamic-hygienic-practices-can-teach-when-coronavirus-is-spreading-133221>
- Beyusov, M.-Kh. (2020). Appealing to Muslims in connection with the spread of the dangerous coronavirus. *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/sermon/16906> (In Russian).

- Böwering, G. (1997). The Concept of Time in Islam. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 141(1), 55-66
- Gainutdin, R. (2020). Speech at the conference “The Muslim World facing the Challenges of the Pandemic: Uniting in Social Distance”. *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/17135> (In Russian).
- Lorenzini, D. (2020, April 2). Biopolitics in the Time of Coronavirus. *Critical Inquiry*. Retrieved from https://critinq.wordpress.com/2020/04/02/biopolitics-in-the-time-of-coronavirus/#_ftn3
- Mufti Gainutdin: Opening of Moscow Cathedral Mosque is a national event for the Russian Federation. (2015). *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/common/speech/9735> (In Russian).
- Mukhetdinov, D. (16 марта 2020a). WHO declared a coronavirus pandemic on 11 March 2020.... *Facebook*. Retrieved from https://web.facebook.com/search/top/?q=%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D1%82%D0%BE%20%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D1%83%D1%82%D0%B8%20&epa=SEARCH_BOX (In Russian).
- Mukhetdinov, D. (3 April 2020c). Clarification by D. Mukhetdinov about Ramadan in non-working days. *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/rites/16915> (In Russian).
- Mukhetdinov, D. (31 March 2020b). In a pandemic, the main measure of God-fearing is humanity. *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/common/opinions/16904> (In Russian).
- Theological Opinion No 2/20. “Procedure for burial of the dead from COVID-19”. (2020). *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/sulem/sufatwa/16939> (In Russian).
- Tweet by @F_mtr (2020). *Twitter*. Retrieved from https://twitter.com/F_mtr/status/1244951838241284097?s=20 (In Russian).
- Zaripov, I. (2020). Lessons from the great war of pandemic and Ramadan. *DUM RF*. Retrieved from <http://dumrf.ru/islam/sermon/17074> (In Russian).